

Анкета участника

Фамилия Бабаева

Имя Лола

Отчество Рахимовна

Научная степень, ученое звание ----

Место работы Бухарский государственный университет, Бухара. Узбекистан

Должность ассистент – преподаватель

Название доклада Виктор Гюго и Фёдор Достоевский

Контактные телефоны +998936200898

Электронный адрес lola.babayeva 0898@ gmail.com

Л.Р.Бабаева

Преподаватель кафедры русского языка и литературы филологического факультета Бухарского государственного университета

ВИКТОР ГЮГО И ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ.

Аннотация В статье автор провел сравнение произведений русского классика Ф.Достоевского с произведениями известного французского писателя В.Гюго. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ, основываясь на основном методе компаративистики. В статье особое место уделяется принципам компаративизма, как специальной области литературоведения. При помощи метода компаративистики тексты могут сопоставляться по генетическому и типологическому признакам. В ситуации с Ф.М. Достоевским и В. Гюго с большой долей уверенности можно говорить о генетической связи, поскольку влияние творчества Гюго на писательский гений Достоевского признавалось последним неоднократно.

Ключевые слова : компаративистика, жанр, композиция, язык, творчество, сравнительный анализ

Abstract In the article, the author compared the works of the Russian classic F. Dostoevsky with the works of the famous French writer V. Hugo. In the course of the study, a comparative analysis was carried out, based on the main method of comparative studies. The article pays special attention to the principles of comparativeism as a special area of literary criticism. Using the method of comparative studies, texts can be compared according to genetic and typological characteristics. In the situation with F.M. Dostoevsky and V. Hugo with a great deal of confidence can speak of a genetic connection, since the influence of Hugo's work on Dostoevsky's writing genius was repeatedly recognized by the latter.

Key words: comparative studies, genre, composition, language, creativity, comparative analysis

В. Гюго и Ф.М. Достоевского с полным правом можно назвать величайшими писателями своего времени, оказавшими (и до сих пор оказывающими) огромное влияние как на французскую и русскую литературу в частности, так и на мировую литературу в целом. В данной статье я хочу сравнить произведения этих авторов. Одной из главных задач поставленных мною рассмотреть сам принцип компаративизма. Специальной областью сравнительного литературоведения является сопоставительное изучение явлений, принадлежащих к литературам разных наций, разных эпох, разных авторов. В данном случае речь пойдет как раз о сопоставлении произведений разных авторов, принадлежащих к разным национальным литературам, но творившим приблизительно в одно время, и даже знакомым лично.[10]

Влияние может носить как односторонний, так и двусторонний характер. Другими словами, речь идет о проникновении и взаимопроникновении произведений друг в друга. Возможно влияние одного автора на другого (как в нашем случае; ибо хотя воздействие Гюго на творчество Достоевского доказуемо, об обратном направлении - влиянии Достоевского на Гюго - говорить не приходится), или обоюдное взаимопроникновение мыслей, идей, сюжетов, тем и пр. в творчестве авторов-современников.

При помощи метода компаративистики тексты могут сопоставляться по генетическому и типологическому признакам. В ситуации с Ф.М. Достоевским и В. Гюго с большой долей уверенности можно говорить о генетической связи, поскольку влияние творчества Гюго на писательский гений Достоевского признавалось последним неоднократно, как в личной переписке с братом, так и в литературных трудах.

Генетическое сходство возникает в результате непосредственного контакта. Однако сам контакт может быть различного свойства. В учебном пособии Зинченко, Зусмана и Кирнозе Методы изучения литературы. Системный подход: приводятся следующие варианты:[6]

«личное знакомство писателей-современников». Авторы приводят несколько примеров, и среди них - «личное знакомство А. Белого с немецким поэтом Кристианом Моргенштерном. Там же. С. 85. В случае с Достоевским и Гюго нельзя говорить о влиянии личного знакомства на творчество Федора Михайловича. Достоевский воспринимал великого французского писателя через его произведения, которые начал читать еще с юности. А встретиться им посчастливилось уже в зрелые годы, намного позже написания «Записок из Мертвого дома».

Заочное знакомство писателей удаленных эпох. «Таково, например, тяготение О.Э. Мандельштама к Данте Алигьери. Произведения писателей прошлого оказываются тем самым вовлеченными в динамическое, «сегодняшнее» развитие культуры, переходя с оси диахронии на ось синхронии». Зинченко В.Г., Зусман В.Г. .

Причислить Достоевского и Гюго к писателям «разных эпох» мы не можем, поскольку эти авторы были современниками. Не можем мы говорить и о «тяготении» Достоевского к Гюго, так как творчество русского писателя глубоко самобытно, индивидуально. Однако влияние на определенные произведения, на «Записки из Мертвого дома» в частности, прослеживается довольно четко. «Случаи, когда произведение, не имевшее большого значения для собственной литературы, подвергаются мифологизации в другой литературе. Такая судьба выпала, например, на долю романов Р. Джованьоли «Спартак» и «Овод» Л. Войнич.

Также авторы учебного пособия придают большое значение владению «воспринимающего» писателя иностранным языком, на котором написан «воспринимаемый» им источник. Ведь переводное издание в той или иной степени не может не отличаться от оригинала; порой в перевод вплетается мировосприятие самого переводчика, его владение ситуацией, играет роль его словарный запас и т.д. В связи с этим аспектом следует вспомнить о том, что перед изданием «Записок из Мертвого дома» родной брат Ф.М. Достоевского, Михаил, переводит «Последний день приговоренного», в

котором не исключена правка самого Федора Михайловича. Русский писатель владел французским языком и мог воспринимать произведения Гюго, не опасаясь возможных при переводе искажений текста.

О каком же случае «контакта» можно говорить, исследуя отпечатки, реминисценции «Последнего дня приговоренного» в «Записках из Мертвого дома»? Зинченко, Зусман, Кирнозе считают, что «гораздо чаще, говоря о «знакомстве» того или иного автора с иноземным писателем, имеют в виду не личное общение, а круг чтения, театральные впечатления, переводы. Высшей формой «контакта» двух авторов является оригинальное художественное произведение, созданное с опорой на воспринимаемый образец. Часто компаративистские исследования построены именно по аспектному принципу. Все виды откликов одного автора на творчество другого рассматриваются во взаимосвязи, в системе».

Аспекты, на основании которых может происходить сравнение, достаточно многочисленны. «Сравнивая два произведения, следует учитывать соотношение жанров, способ повествования, композицию, систему персонажей и способы их построения, тематику и мотивную структуру. Доказательствами генетических связей являются свидетельства на уровне стиля и языка. Предметом компаративистского анализа становится также сопоставление сходных (или контрастирующих) жанровых структур, композиционных схем, типов конфликта, сочетаний мотивов и тем, способов построения и расположения персонажей».

Иначе говоря, генетическое сходство можно проследить по одному, двум или одновременно нескольким аспектам. При этом следует определять и степень «разности» произведений, их отличия друг от друга. «Обнаруженное сходство не следует абсолютизировать» .

В самом деле, абсолютное сходство, без ссылки на источник, будет попросту плагиатом, а данный термин в отношении Достоевского совершенно не применим. «Сопоставление подразумевает *не только сходство, но и различия*» [7].

Здесь также встает вопрос об определенных законах, по которым происходит восприятие. Два основных механизма рецепции (т.е. пересечения воздействия и восприятия, приводящего к порождению смысла) можно обозначить как «пересоздание» и «воссоздание». В.М. Жирмундский писал, что «пересоздание» представляет собой «новое творчество из старых материалов» [7]. Отсюда следует, что в типологическом плане В.М. Жирмундский считает восприятие родственным творчеству. «По мнению Л.Я. Гинзбург, «пересоздание» предполагает также проецирование на другого автора своей картины мира и способов ее воплощения. «Воссоздание» же предполагает исторический подход, ощущение дистанции, открытие «чужого» как такового» [6].

Мы можем сказать, что Ф.М. Достоевский, создавая свое совершенно исключительное, самобытное произведение, основанное на пережитых лично, реальных событиях, перечитал и прочувствовал глубоко «Последний день приговоренного» Виктора Гюго. Он не мог не пересоздать, творчески переосмыслив, отдельные картины, чувства, тональности и пр., речь о сходствах и различиях в которых пойдет в данной главе.

Но вначале хочу добавить, что наряду с генетическим видом взаимодействия в произведениях Достоевского присутствует вид типологический. Как пишет Г. Фридлендер в своей монографии «Достоевский и мировая литература», «представление о единстве литератур разных народов, опирающихся на общность проблем, поставленных перед ними историей человечества, преломилось в отношении Достоевского к крупнейшим писателям - его современникам. Речь идет...о сознательном интересе Достоевского к литературным явлениям времени, которые, по его убеждению, ставили проблемы, сходные с теми, которые занимали его мысль, давая такое их решение, к которому он как художник и мыслитель не мог остаться нейтрален» [8].

К одному из таких современников - Виктору Гюго - Достоевский испытывает интерес на протяжении всей жизни, начиная с юности и до конца дней.

Вскоре после поступления в Инженерное училище в письме к брату Михаилу от 9 августа 1838 года мол одой Федор Достоевский, перечисляя книги, прочитанные во время учений в летних лагерях под Петергофом, скажет, что прочел *всего* Гюго, кроме пьес «Кромвель» и «Эрнани» (Письма, 1, 47). Юноше не было еще 17-ти лет. О повести Гюго «Последний день приговоренного» молодой писатель вспоминает перед эшафотом 22 декабря 1849 г., цитируя ее строки в прощальном письме к брату из Петропавловской крепости (9. 429-432). Отдельные подробности этой же повести пересказывает князь Мышкин, герой романа Достоевского «Идиот», в доме Епанчиных.

В предисловии к публикации «Собора Парижской Богоматери» Достоевский скажет: «Виктор Гюго, бесспорно, сильнейший талант, явившийся в 19-м столетии» [3].

Характерной чертой, выделяющей как французского, так и русского авторов из череды других писателей 19 века, является их глубочайший интерес к пиковым, стрессовым ситуациям в жизни человека, к сложным, противоречивым характерам, вообще склонность выходить за рамки обыденного.

Итак, как уже упоминалось выше, при сравнении произведений следует учитывать соотношение жанров, способ повествования, композицию, тематику, мотивную структуру, систему персонажей, стиль и язык произведений.

И «Последний день приговоренного» Гюго, и «Записки из Мертвого дома» Достоевского носят антропоцентрический характер. Их тема: внутренний мир человека, заключенного в неволю за какое-либо преступление. (И в том и в другом случаях это убийство, и в том и в другом преступление не описывается, а осужденный не испытывает чувства

раскаяния и стыда, поскольку и для Достоевского, и для Гюго в данной ситуации важно соотношение цены преступления и наказания.) Наказание отнюдь не исправляет человека, оно лишь угнетает, губит душу окончательно. Наказание - зло. Недаром Достоевский говорил, что «свойства палача находятся в зародыше почти в каждом человеке. Но не равно развиваются звериные свойства человека» (4, 155). «Зло и добро определяются не столько задатками человеческой природы, сколько направленностью ее развития, - пишет К.Г. Щенников. - Историческая ситуация, социальный порядок да и вся история человечества таким образом проверяются на способность реализации человеческого в человеке» [10]. «Оба писателя указывают на огромную преобразующую силу «любви к ближнему» [8]. Любовь несет огромный одухотворяющий потенциал. Наказание же подавляет, а не лечит. В «Записках из Мертвого дома» автор и его двойник Горянчиков оценивали уровень современной цивилизации психологией каторжников и палачей. В результате заключения, наказания, убийца принимает роль жертвы, палачом становится осудивший. Эту мысль проводят как Виктор Гюго, так и Достоевский.

Возможно, авторы считают, что наказание должно быть «внутри» человека; только через моральные страдания души происходит очищение преступника. Так было с героем «Отверженных» Жаном Вальжаном (которого излечили не двадцать лет каторги, а чистота священника Мириэля). Так случилось и с Родионом Раскольниковым. По мнению Щенникова, «Гюго и Достоевского единит вера в исходное и незыблемое нравственное начало личности, настойчиво противопоставляемая ими учению о социальной и исторической обусловленности сознания и поведения человека. С доверием к незыблемой нравственной природе человека и у Гюго, и у Достоевского связана вера в массы, в их духовность - убежденность в том, что человек из низов, отягощенный пороками и предрассудками, не должен быть отлучен от исторического творчества» [10].

Эту же мысль мы можем проследить и в рассказе Достоевского «Кроткая». Г. Фридендер проводит параллель между «Последним днем осужденного» и «Кроткой» не только в жанровом, но и в идейном аспекте. «Герой романа Гюго осужден законом за совершенное им преступление. Но и герой «Кроткой» - тоже преступник, хотя не перед лицом государственного закона, а перед судом своей совести и высшей, общечеловеческой нравственности. Достоевский...расширил и переосмыслил философскую проблематику романа Гюго. Герой «Кроткой» не стал физическим убийцей. Но он совершил не менее страшное - моральное - убийство, заглушив человеческое начало в самом себе и из-за этого став причиной страданий и гибели другого человека[8]. Именно герой «Кроткой» несет должное наказание - духовные муки, находя в них просветление и очищение. Физическое же заключение, угроза казни, заставляют преступника думать о себе, а не о содеянном.

В жанровом аспекте, а также в своеобразной форме построения произведений Достоевского и Гюго тоже можно проследить сходство. «Последний день» Гюго мы определили как «социально-психологическую, написанную в форме дневника (записок) повесть». Жанр «Записок из Мертвого дома» Достоевского, жанр оригинальный, это «записки с органически включенными в них главами-рассказами, главами-очерками». «Кроткая» - «рассказ, имеющий форму записок и по содержанию близко примыкающий к исповеди». Термин *записки* является ключевым.

Как уже упоминалось выше, жанр *записок* связан с размышлениями о пережитом и подразумевает выражение личного отношения автора и рассказчика к описываемому. Дополнительную специфику несет также жанр исповеди, ибо герои «Кроткой» и «Последнего дня» впускают читателя в самые сокровенные глубины собственной духовной жизни, стремясь познать свой внутренний мир.

Взяв же для сопоставительного анализа язык, речь, стиль произведений, мы видим яркие реминисценции «Последнего дня» в

«Записках». Сравним всего два сюжетных отрезка: сцену заковывания каторжников в кандалы, наблюдаемую приговоренным из окна тюремной камеры, и эпизод с каторжанами в бане, выведенный Ф.М. Достоевским в «Записках».

Виктор Гюго описывает заключенных: «...стража привезла кандалы. Грохот телеги сразу же вызвал ответный шум во всей тюрьме, зрители...разразились улюлюканьем, угрозами, ругательствами, - все это попеременно с куплетами каких-то песенок и взрывами хохота, от которого щемило сердце. Вместо лиц - дьявольские хари. Рты перекошились, глаза засверкали, каждый грозил из-за решетки кулаком, каждый что-то вопил...Из двух или трех низеньких дверей одновременно во двор с воем хлынула орава ужасающих оборванцев...» Но вот каторжан построили и велели раздеться, чтобы вручить каждому тюремную робу. «По непредвиденной случайности это унижение превратилось в пытку...Хлынул холодный осенний дождь, заливая потоками воды...непокрытые головы и обнаженные тела каторжников...Их заставили сесть прямо в грязь на залитые водой плиты и примерили им ошейники...» После заковки каторжники кружатся, взявшись за руки, и поют воровскую песню. «Они кружились так, что рябило в глазах. Вокруг поднимался яростный крик, и размеренно звякавшие цепи вторили этому пению, режущему слух сильнее, чем лязг железа. Если бы я задумал описать шабаш, то изобразил бы его именно таким - не лучше и не хуже». [2].

Восприятие художником слова другого произведения и отпечатывание его в произведении собственном представляет собой «новое творчество из старых материалов» (В.Н. Жирмундский). Если у Гюго заковка в кандалы напоминает шабаш, собрание нечисти, то Достоевский, шагнув дальше, прямо сравнивает сцену бани с адом:

«Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад. В комнате шагов в двенадцать длиною и такой же ширины набилось, может быть, до ста человек разом... Пар, застилающий глаза, копоть, грязь,

теснота до такой степени, что негде поставить ногу. На всем полу не было местечка в ладонь, где бы не сидели скрючившись арестанты, плескаясь из своих шаек. Другие стояли между них торчком и, держа в руках свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала с них прямо на бритые головы сидевших внизу. На полке и на всех уступах, ведущих к нему, сидели, съежившись и скрючившись, мывшиеся... Пару поддавали поминутно. Это был уже не жар; это было пекло. Все это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу... Грязь лилась со всех сторон. Все были в каком-то опьянелом, в каком-то возбужденном состоянии духа; раздавались визги и крики. Обритые головы и распаренные докрасна тела арестантов казались еще уродливее... Мне пришло на ум, что если все мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома/ Ф.М. Достоевский//

Способ передачи повествования, своеобразная речь главных героев очень похожи в «Последнем дне приговоренного» и «Кроткой». Это во многом спонтанный, практически дневниковый характер записей. О заимствовании этой спонтанности, дневниковости у Гюго Достоевский упоминает в предисловии к «Кроткой» (цитата писателя приводилась в 3 главе). Однако черновики и «Подготовительные материалы» к рассказу носят следы напряженного, самостоятельного поиска единственно верной для автора специфической формы монолога: «Само собою, что вылетают слова слишком нетерпеливые, наивные и неожиданные, непоследовательные, себе противоречащие, но искренние, хотя бы даже и ужасно лживые, ибо человек лжет иногда очень искренно, особенно когда сам себя желает уверить в правде своей лжи. *Как бы* подслушивал ходящего и бормочущего» (Черновики. 24, 319).

В примечаниях к «Кроткой» Достоевский говорит еще и о другом произведении В. Гюго: «Форма монолога в «Кроткой» близка к внутреннему монологу Жана Вальжана из «Отверженных», который предшествует решению, коренным образом изменившему жизнь героя» .

Композиционные различия тоже достаточно велики. У Гюго напряжение по мере повествования нарастает и разрешается почти кульминационно - казнью. У Достоевского нарастание - спад действия: заключение, первый день, первый месяц, первый год, последний год, месяц, день...

Однако пространственно - временные характеристики во многом схожи: замкнутость пространства (стенами ли каземата, забором ли поселения), стремительный бег времени (пять недель приговоренного - как один «последний день»; ясно выписаны лишь первый и последний годы пребывания Горяничкова на каторге), и в то же время - время замерло, стало статичным, неподвижным (последние минуты перед казнью растягиваются в часы).

В целом же, основываясь на вышесказанном, можно отметить, что у Достоевского и Гюго во многом сходны идейные позиции по отношению к личности, к проблеме добра и зла в душе человека. Е.М. Евнина говорит о том, что для всего творчества Гюго характерно представление о человеческой жизни, «как о постоянном противоборстве мрака и света» [6].

Достоевский тоже заостряет на этом внимание. При этом обоих писателей объединяет вера в конечное превосходство добра над злом. По мнению К.Г. Щенникова, «творческая близость Достоевского и Гюго устанавливается учеными прежде всего в сфере художественного стиля, поэтики» [10].

Произведениям обоих авторов свойственна «пронзительность» (Щенников)[10], Достоевский сам говорил, что у Гюго «бывают иногда такие *больные* сцены, которые всю жизнь потом с болью вспоминаются» [3].

Отличительной чертой Достоевского, по мнению того же Щенникова, является то, что «герои Достоевского отличаются значительно большей диалектической сложностью, психологической глубиной и философской масштабностью, нежели аналогичные им типы у писателей-современников. Характеры Достоевского психологически разработаны достовернее, чем их

типологические родственники у Гюго, у которого они создаются зачастую средствами ораторского искусства и выражают прямую авторскую проповедь» [43]. Герои Гюго очень часто проходят путь понимания истины, преображения, «мгновенно», в несколько часов или минут. Герои Достоевского встают на путь света вследствие мучительных поисков, и путь этот не может быть коротким. В этом Достоевский более достоверен психологически. И Достоевский и Гюго стремятся эмоционально воздействовать на читателя с помощью литературы. Однако у Гюго более ярко выражено стремление «превратить свои романы в трибуну, с которой поэт обращается к читателю» [4].

Литература

1. Гюго В. Кромвель. [Предисловие.]// В. Гюго// Собр. соч.: В 15-ти т. - М., 1956. - Т. 14.
2. 14. Гюго В. Последний день приговоренного к смертной казни/ В. Гюго// Собр. соч.: В 10-ти т. - М., 1972. - Т. 1.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1871 г./ Ф.М. Достоевский// Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Т. 21.
4. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома/ Ф.М. Достоевский// Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Л.: Наука, 1980. - Т. 4.
5. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
6. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2002.
7. История зарубежной литературы XIX века/ Под ред. Н.А. Соловьевой. - М., 2000.
8. Фридендер Г. Совершенно новый мир, до сих пор неведомый... [Вступ. ст.]// Ф.М. Достоевский. Записки из «Мертвого дома». Рассказы. - М., 1983.
10. Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.

V. HUGO AND F.M. DOSTOEVSKY

Babaeva L. R.

Instructor at the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philology, Bukhara State University.

Abstract

In the article, the author compared the works of the Russian classic F. Dostoevsky with the works of the famous French writer V. Hugo. In the course of the study, a comparative analysis was carried out, based on the main method of comparative studies. The article pays special attention to the principles of comparativism as a special area of literary criticism. Using the method of comparative studies, texts can be compared according to genetic and typological characteristics. In the situation with F.M. Dostoevsky and V. Hugo with a great deal of confidence can speak of a genetic connection, since the influence of Hugo's work on Dostoevsky's writing genius was repeatedly recognized by the latter.

Key words: comparative studies, genre, composition, language, creativity, comparative analysis.

V. Hugo and F.M. Dostoevsky can rightfully be called the greatest writers of his time, who had (and still have) a tremendous influence both on French and Russian literature in particular, and on world literature in general. In this article, I want to compare the works of these authors. One of the main tasks set by me is to consider the very principle of comparativism. A special area of comparative literary studies is the comparative study of phenomena belonging to the literatures of different nations, different eras, and different authors. In this case, it will be just

about comparing the works of different authors belonging to different national literatures, but who worked at approximately the same time, and even personally acquaintances [10]. Influence can be both unilateral and bilateral. In other words, we are talking about the penetration and interpenetration of works into each other. Perhaps the influence of one author on another (as in our case, although Hugo's influence on Dostoevsky's work is provable, there is no need to talk about the opposite direction - Dostoevsky's influence on Hugo) or the mutual interpenetration of thoughts, ideas, plots, themes, etc.

Using the method of comparative studies, texts can be compared according to genetic and typological characteristics. In the situation with F.M. Dostoevsky and V. Hugo, with a great deal of confidence, can speak of a genetic connection, since the influence of Hugo's work on Dostoevsky's writing genius was repeatedly recognized by the latter, both in personal correspondence with his brother and in literary works. Genetic similarity arises from direct contact. However, the contact itself can be of different properties. In the study guide Zinchenko, Zusman and Kirnoze methods of studying literature. Systematic approach: the following options are given: [6]

“Personal acquaintance of contemporary writers” The authors give several examples, and among them - “A. Bely's personal acquaintance with the German poet Christian Morgenstern. In the same place [P. 85]. In the case of Dostoevsky and Hugo, one cannot talk about the influence of personal acquaintance on the work of Fyodor Mikhailovich. Dostoevsky perceived the great French writer

through his works, which he began to read from his youth. And they were lucky enough to meet in their mature years, much later than the writing of “Notes from the House of the Dead”. Distance acquaintance of writers from distant eras. “Such, for example, is the gravitation of O.E. Mandelstam to Dante Alighieri. The works of the writers of the past are thus involved in the dynamic, "today's" development of culture, moving from the axis of diachrony to the axis of synchrony”. (Zinchenko V.G., Zusman V.G.)

We cannot count Dostoevsky and Hugo among the writers of “different eras”, since these authors were contemporaries. Nor can we talk about Dostoevsky's “gravitation” towards Hugo, since the work of the Russian writer is deeply original, individual. However, the influence on certain works, on Notes from the House of the Dead in particular, can be traced quite clearly. “Cases when a work that did not have much significance for its own literature is mythologized in other literature. Such a fate befell, for example, the novels of R. Giovagnoli “Spartacus” and “The Gadfly” by Voynich L.

Also, the authors of the textbook attach great importance to the knowledge of the "perceiving" writer in a foreign language, in which the "perceived" source is written. After all, a translated edition, to one degree or another, differ from the original; sometimes the interpreter's worldview is interwoven into the translation, his mastery of the situation, his vocabulary plays a role, etc. In connection with this aspect, it should be remembered that before the publication of "Notes from the House of the Dead" F.M. Dostoevsky, Mikhail, translates “The Last Day of the

Condemned”, in which Fyodor Mikhailovich himself may be corrected. The Russian writer knew French and could perceive the works of Hugo without fear of possible distortions of the text during translation.

What case of “contact” can we talk about, examining the prints, reminiscences of “The Last Day of the Condemned” in the “Notes from the House of the Dead”? Zinchenko, Zusman, Kirnoze believe that “much more often, when speaking of the “acquaintance” of an author with a foreign writer, they mean not personal communication, but the reading circle, theatrical impressions, translations. The highest form of “contact” between two authors is an original work of art, created based on a perceived sample. Comparative studies are often based on the aspect principle. All types of responses of one author to the work of another are considered in interconnection, in a system. “The aspects on the basis of which the comparison can be made are quite numerous. “When comparing two works, one should take into account the ratio of genres, the way of storytelling, composition, the system of characters and the ways of their construction, theme and motivational structure. Evidence for genetic links is evidence at the level of style and language. The subject of comparative analysis is also the comparison of similar (or contrasting) genre structures, compositional schemes, types of conflict, combinations of motives and themes, ways of constructing and disposing of characters”. In other words, genetic similarity can be traced in one, two or several aspects simultaneously. In this case, it is necessary to determine the degree of

"difference" of works, their differences from each other. "The found similarity should not be absolutized".

In fact, absolute similarity, without reference to the source, will simply be plagiarism, and this term is completely inapplicable to Dostoevsky. "Comparison implies not only on similarities, but also differences" [7]. This also raises the question of certain laws by which perception occurs. The two main mechanisms of reception (the intersection of influence and perception, leading to the generation of meaning) can be designated as "re-creation" and "recreation". V.M. Zhirmundsky wrote that "re-creation" is "new creativity from old materials" [7]. It follows from this that in typological terms V.M. Zhirmundsky considers perception to be akin to creativity. According Ginzburg, "re-creation" also involves projecting onto another author of his own picture of the world and the ways of its embodiment. "Recreation" presupposes a historical approach, a sense of distance, the discovery of the "alien" as such [6].

We can say that F.M. Dostoevsky, creating his absolutely exceptional, original work based on personally experienced, real events, reread and deeply felt the "Last Day of the Condemned" by Victor Hugo. He could not help but re-create, creatively rethinking, individual pictures, feelings, tonality, etc., the speech about the similarities and differences in which will go in the following part. But first I want to add that along with the genetic type of interaction in the works of Dostoevsky there is a typological type. As G. Friedlander writes in his monograph Dostoevsky and World Literature, "the idea of the unity of the literatures of

different nations, based on the commonality of problems posed to them by the history of mankind, was refracted in relation to Dostoevsky's greatest writers - his contemporaries. It is... about Dostoevsky's conscious interest in the literary phenomena of the time, which, in his conviction, posed problems similar to those that occupied his thought, giving such a solution to which he, as an artist and thinker, could not remain neutral "...[8].

To one of these contemporaries - Victor Hugo - Dostoevsky has an interest throughout his life, from youth to the end of his days. Soon after entering the Engineering School, in a letter to his brother Mikhail dated August 9, 1838, the young Fyodor Dostoevsky, listing the books read during the exercises in summer camps near Peterhof, will say that he had read all of Hugo, except for the plays "Cromwell" and "Ernani" (Letters, 1, 47). The young man was not yet 17 years old. The young writer recalls Hugo's story "The Last Day of the Condemned" before the scaffold on December 22, 1849, quoting her lines in a farewell letter to his brother from the Peter and Paul Fortress (9.429-432). Some details of the same story are recounted by Prince Myshkin, the hero of Dostoevsky's novel "Идиот" ("The Idiot") in the Epanchins' house. In the preface to the publication of "Собора Парижской Богоматери" ("Notre Dame Cathedral"), Dostoevsky says: "Victor Hugo is undoubtedly the strongest talent that appeared in the 19th century" [3].

A characteristic feature that distinguishes both French and Russian authors from the series of other writers of the 19th century is their deepest interest in peak,

stressful situations in human life, in complex, contradictory characters, in general, a tendency to go beyond the ordinary. So, as mentioned above, when comparing works, one should take into account the ratio of genres, narrative method, composition, theme, motivational structure, character system, style and language of works.

Both Hugo's *Last Day of the Condemned* and Dostoevsky's *Notes from the House of the Dead* are anthropocentric. Their theme: the inner world of a person imprisoned for some crime. (In both cases, this is a murder, and in both cases, the crime is not described, and the convicted person does not feel a sense of remorse and shame, since both for Dostoevsky and for Hugo in this situation the ratio of the cost of the crime and the punishment is important.) Punishment by no means corrects a person, it only oppresses, destroys the soul completely. Punishment is evil. No wonder Dostoevsky said that “the qualities of an executioner are in embryo in almost every person. But the animal properties of man do not develop equally”. “Evil and good are determined not so much by the inclinations of human nature, but by the direction of its development,” writes K.G. Shchennikov. - The historical situation, social order and the whole history of mankind are thus tested for the ability to realize the human in man” [10]. “Both writers point to the enormous transformative power of ' love to neighbor “[8]. Love carries a tremendous spiritual potential. Punishment suppresses, but does not heal. In *Notes from the House of the Dead*, the author and his double Goryanchikov assessed the level of modern civilization by the psychology of convicts and executioners. As a

result of imprisonment, punishment, the murderer assumes the role of the victim, the convict becomes the executioner. This idea is carried out by both Victor Hugo and Dostoevsky. Perhaps the authors believe that punishment should be “inside” the person; it is only through the moral suffering of the soul that the culprit is purified. So it was with the hero of "Les Misérables" Jean Valjean (who was cured not by twenty years of hard labor, but by the purity of the priest Miriel). So it happened with Rodion Raskolnikov. According to Shchennikov, “Hugo and Dostoevsky are united by the belief in the original and unshakable moral principle of personality, which they persistently oppose to the doctrine of the social and historical conditioning of human consciousness and behavior. With trust in the unshakable moral nature of man, both Hugo and Dostoevsky associate faith in the masses, in their spirituality - the conviction that a person from the bottom, burdened with vices and prejudices, should not be excluded from historical creativity” [10].

We can trace the same idea in Dostoevsky's story “The Gentle” Friedlander draws a parallel between “The Last Day of the Convict” and "Meek" not only in genre, but also in the ideological aspect. “The hero of Hugo's novel is convicted by law for a crime he has committed. But the hero of "The Meek" is also a criminal, although not in the face of state law, but before the court of his conscience and the highest, universal human morality. Dostoevsky ... expanded and rethought the philosophical problems of Hugo's novel. The hero of "Meek" did not become a physical killer. But he committed no less terrible - moral - murder, drowning out the human principle in himself and, because of this, becoming the

cause of suffering and death of another person [8]. It is the hero of "The Gentle" who bears the due punishment - spiritual torment, finding in them enlightenment and purification. Physical confinement, the threat of execution, makes the offender think about himself, and not about what he has done.

In the genre aspect, as well as in the peculiar form of the construction of the works of Dostoevsky and Hugo, one can also trace the similarities. We defined Hugo's "Last Day" as "a socio-psychological story written in the form of a diary (notes)." The genre of Dostoevsky's "Notes from the House of the Dead", an original genre, is "notes with organically included chapter-stories, chapter-sketches". "Meek" – "a story in the form of notes and in content is close to confession". The term sticky note is a key.

As mentioned above, the genre of notes is associated with reflections on the experience and implies the expression of the personal attitude of the author and the narrator to what is described. The genre of confession also carries additional specificity, for the heroes of "The Meek" and "The Last Day" let the reader into the innermost depths of their own spiritual life, striving to know their inner world.

Taking the language, speech, style of works for comparative analysis, we see vivid reminiscences of The Last Day in the Notes. Let us compare only two plot segments: the scene of the shackling of convicts in shackles, observed by the condemned from the window of the prison cell, and the episode with convicts in the bathhouse, shown by F.M. Dostoevsky in the "Notes". Victor Hugo describes the prisoners: "... the guards brought the shackles. The rumble of the cart

immediately caused a return noise throughout the prison, the spectators ... burst into hooting, threats, curses - all this interspersed with verses of some songs and bursts of laughter, from which the heart ached. Devil's hari - instead of faces, mouths twisted, eyes flashed, each was shaking his fist from behind the bars, each was yelling something ... From two or three low doors at the same time, a horde of ragamuffins poured into the courtyard with a howl ... “. By an unforeseen accident, this humiliation turned into torture ... A cold autumn rain gushed out, pouring streams of water ... the bare heads and naked bodies of convicts ... They were forced to sit right in the mud on the slabs flooded with water and tried on collars for them ..." and sing a thief's song. "They were spinning so that they dazzled in their eyes. A furious scream rose up around him, and the rhythmically tinkling chains echoed this singing, which cut the ear more than the clank of iron. If I had thought to describe the Sabbath, I would have portrayed it that way - no better and no worse [2]. The artist's perception of the word of another work and its imprinting in his own work is "new creativity from old materials" (VN Zhirmundsky). If in Hugo's shackles it resembles a Sabbath, a gathering of evil spirits, and then Dostoevsky, taking a step further, directly compares the bathhouse scene with hell:

“When we opened the door to the bathhouse itself, I thought we had entered hell. In a room about twelve paces long and the same width, maybe up to a hundred people were packed at once ... The steam covering the eyes, soot, dirt, crampedness to such an extent that there is nowhere to put a foot. On the whole floor there was no place in the palm where the prisoners would not sit hunched

over, splashing out of their gangs. Others stood upright between them and, holding their gangs in their hands, washed while standing; dirty water flowed from them directly onto the shaved heads of those sitting below. On the shelf and on all the ledges leading to it, they sat; hunched over and hunched over, washing themselves ... A couple was given up every minute. It was no longer fever; it was hot. All this screamed and cackled at the sound of a hundred chains dragging across the floor ... Mud was pouring from all sides. Everyone was in a kind of drunkenness, in a kind of agitated state of mind; screams and screams were heard. The shaved heads and red-hot bodies of the prisoners seemed even uglier ... It occurred to me that if all of us together were someday in hell, it would be very similar to this place. (Dostoevsky, "Notes from the Dead House")

The way the narrative is conveyed, the peculiar speech of the main characters is very similar in "The Last Day of the Condemned" and "The Meek". This is largely spontaneous, almost diary in nature. Dostoevsky mentions borrowing this spontaneity and diaries from Hugo in the preface to "The Meek" (a quote from the writer was given in Chapter 3). However, the drafts and "Preparatory materials" for the story bear traces of an intense, independent search for the only correct for the author a specific form of monologue: "It goes without saying that words are too impatient, naive and unexpected, inconsistent, contradicting themselves, but sincere, even horribly deceitful, because a person sometimes lies very sincerely, especially when he himself wants to assure himself of the truth of his lie. As if overheard walking and muttering" (Drafts. 24, 319).

In the notes to *The Gentle One*, Dostoevsky also speaks of another work by V. Hugo: "The form of the monologue in *The Gentle One* is close to the inner monologue of Jean Valjean from "Les Misérables" which precedes a decision that radically changed the hero's life." Compositional differences are also quite large. In Hugo's work, the tension grows as the story progresses and is resolved almost culminatingly - by execution. Dostoevsky has a rise - a decline in action: conclusion, first day, first month, first year, last year, month, day...

However, the spatio-temporal characteristics are in many respects similar: the enclosure of space (whether by the walls of a casemate, by a fence of a settlement), the rapid running of time (five weeks of a sentenced person is like one "last day"; only the first and last years of Goryanchikov's stay in hard labor are clearly written out), and at the same time - time stood still, became static, motionless (the last minutes before the execution stretch into hours).

In general, based on the above, it can be noted that Dostoevsky and Hugo have similar ideological positions in relation to the personality, to the problem of good and evil in the human soul. Eunina says that all of Hugo's work is characterized by the idea of human life, "as a constant confrontation between darkness and light" [6].

Dostoevsky also draws attention to this. At the same time, both writers are united by the belief in the ultimate superiority of good over evil. According to K.G. Shchennikov, K.G. "the creative closeness of Dostoevsky and Hugo is established by scientists primarily in the field of artistic style and poetics" [10].

The works of both authors are characterized by “penetration” (Shchennikov) [10], Dostoevsky himself said that Hugo “sometimes has such painful scenes that are then remembered with pain all his life” [3].

A distinctive feature of Dostoevsky, in the opinion of the same Shchennikov, is that “Dostoevsky's heroes are distinguished by a much greater dialectical complexity, psychological depth and philosophical scale than their analogous types in contemporary writers. Dostoevsky's characters are psychologically developed more reliably than their typological relatives by Hugo, in whom they are often created by means of oratory and express the author's direct sermon ”[43]. Hugo's heroes very often go through the path of understanding the truth, transformation, “instantly”, in a few hours or minutes. Dostoevsky's heroes embark on the path of light as a result of painful searches, and this path cannot be short. In this Dostoevsky is psychologically more reliable. Both Dostoevsky and Hugo seek to emotionally influence the reader through literature. However, Hugo has a more pronounced desire “to turn his novels into a platform from which the poet addresses the reader” [4].

References

1. Гюго В. Кромвель. [Предисловие.]// В. Гюго// Собр. соч.: В 15-ти т. - М., 1956. - Т. 14.
2. 14. Гюго В. Последний день приговоренного к смертной казни/ В. Гюго// Собр. соч.: В 10-ти т. - М., 1972. - Т. 1.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1871 г./ Ф.М. Достоевский// Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Т. 21.
4. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома/ Ф.М. Достоевский// Полн. собр. соч.: В 30-ти т. - Л.: Наука, 1980. - Т. 4.
5. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
6. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2002.
7. История зарубежной литературы XIX века/ Под ред. Н.А. Соловьевой. - М., 2000.
8. Фридлиндер Г. Совершенно новый мир, до сих пор неведомый... [Вступ. ст.]// Ф.М. Достоевский. Записки из «Мертвого дома». Рассказы. - М., 1983.
10. Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.